Пушкин А.С. 20.02.99

Пушкиниана

Моск. правда, 1999, 20 февр., с.4

Поиск продолжается

Редьярд Киплинг написал однажды цикл стихотворных эпитафий. Самая краткая и, пожалуй, самая жестокая из них посвящена журналистам: «Мы служили своему **дню**».

Увы, прав был злой старик. Мы спешим обслужить злобу дня, выдавая строки, которые стареют и умирают через несколько часов. Блаженны те немногие из нас, кто за каждодневной писаниной не забывает лелеять не спеша, с любовью свою заветную тему, находя в ней и отдохновенье, и смысл своего труда.

Вот почему, взяв в руки только что выпущенный загадочным **издательством «Мусагет»** изящный белый томик, названием которому послужила пушкинская строка **«Зачем твой дивный карандаш/ Рисует мой арапский профиль»**, я от души радуюсь за автора - прекрасного журналиста, литературоведа и искусствоведа **Евграфа Кончина**. Я знаю его недолго - всего несколько лет, но материалы его заприметил много лет назад, еще будучи студентом, и постоянно «вылавливал» их на страницах газет, прежде всего «Советской культуры», особенно те, что были посвящены пушкинской теме. Какие-то они были необычные - емкие, полновесные, с прицелом за пределы одного дня. Ксероксов тогда не было, что-то удавалось вырезать, остальное уходило в бездну времени. И так радостно встретить вновь те давние «заметки», вдруг воскресшие из небытия, бережно собранные под одной обложкой. Они ничуть не потускнели от времени - так же остры, увлекательны, полны любви к Пушкину. Более того, собранные вместе, они сплавились в достаточно цельный единый текст - своего рода литературоведческий детектив в духе незабвенной андрониковской «Загадки НФИ» - с поисками, «ложными ходами», находками, приводящими, наконец, к какому-нибудь небольшому открытию - уточнению даты, возникновению из старых канцелярских книг имени человека, связанного с Пушкиным. В пушкиниане нет мелочей, любая ничтожная малость может стать ключом к вещам очень и очень важным.

Все у Кончина интересно читать - о малоизвестном художнике И. Линеве, авторе странного портрета Пушкина; о портрете, рисованном знаменитым Доу, но так и не найденном (о нем строки, вынесенные в заголовок книги); о таинственном перстне, подаренном поэту графиней Воронцовой и украденном из музея; о взаимоотношениях Пушкина и Карла Брюллова... И есть в каждом из его материалов этакий невинный «крючочек». То и дело читаешь: «Где же находится оригинал портрета, узнать не удалось». «Уцелели лишь две книги... будут ли найдены еще какие-либо? Как хотелось бы верить в это!» «Спросите вы, а где ныне находятся портреты Натальи Петровны и Владимира Борисовича Голицыных? В 1910 году они хранились в родовом имении Марьино Новгородской губернии. Дальнейшая судьба их неизвестна». «Поиск продолжается...» и т.д. и т.п. Неудивительно, что после таких слов хочется все бросить и вослед Кончину куда-то бежать, ехать, рыться в архивах и фондах, искать и, если повезет, делать свои маленькие открытия. И не надо бояться, что все уже открыто. Древняя мудрость гласит: чем шире круг познанного, тем меньше мы знаем, ибо все больше точек этого круга соприкасаются с неведомым. Это может быть отнесено и к Пушкину, которого кто-то из ученых назвал «самым загадочным поэтом». Так что, «поиск продолжается». И спасибо за пример, Евграф Васильевич!

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

428